

Мелина Боярова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Мелина Боярова

Ведьма в академии магов

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б72

Серия основана в 2011 году
Выпуск 532

Художник
Л. Клепакова

Боярова М.

Б72 Ведьма в академии магов: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3068-0

Погибнуть в пожаре и возродиться в другом мире и теле? Влюбиться в мужчину мечты и познать горечь разочарования? Обрести невиданную силу и спасти древнюю расу от вымирания? Непосильные задачи для молодой ведьмочки. Наверное. Однако землянки нигде не пропадут! Приспособятся к новому телу, разберутся с чужими тайнами, выведут на чистую воду врагов и обретут настоящую любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мелина Боярова, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3068-0

ПРОЛОГ

Рэллорнский лес — последний оплот элийского наследия в Бхирте — погибал. Языки синего магического огня лизали стволы вековых деревьев. Драгоценные породы, которых больше и не осталось нигде на континенте, трещали и гулко выли. То ли от ветра, разносящего смертельную угрозу, то ли стена от боли и осознания того, что вот он, тот конец мира, что предсказали плетельщицы.

Обезумевшие звери метались от одной стены огня к другой и в отчаянии кидались на копыта имперцев, для которых происходящее было не чем иным, как жестокой забавой.

Железная армия императора Нтора эр Агирру прошла по элийской земле, выкорчевывая остатки миролюбивого народа огнем и мечом. Давно сожжены ведьмаки и ведьмы. Сгорели города и деревни. Любой, кто посмел оказаться на пути непобедимой армады, уничтожен. Элия, маленькая лесная страна, покорилась, преклонила колени перед Нтором эр Агирру и его невероятной силой. Имперские маги прочесали каждую пядь земли в поисках одаренных. Каждый подлежал уничтожению. И маги старательно истребляли тех, кто мог поднять голову и бросить вызов великой империи.

На этот раз остатки Рэллорнского леса спасла последняя хранильница. Нтор эр Агирру уже поднял руку, чтобы отдать сигнал магам, в ладонях которых горели синие всполохи безжалостного огня, когда горстка беглецов вышла на опушку и пала перед имперцами ниц. Элийцы — изможденные и израненные, гонимые по лесам и болотам, изгои, посмевавшие дать отпор, — сдались без боя и условий.

— Взять! — сдержав самодовольную усмешку, скомандовал Нтор. — А лес сжечь!

— Пойдите! Подождите! — Хрупкая фигурка отделилась из кучи оборванцев и выступила вперед. — Прошу! Умоляю! Не уничтожайте Рэллорнский лес! Он символ нашей страны. Живая реликвия. Колыбель для каждого живого существа на земле. Мир погибнет вместе с ним.

— Сжечь! — Нтор скривился и сплюнул в траву, безжалостно вытопанную лошаадьми.

— Дар! — побелев как полотно, крикнула девушка. — Я отдаю дар. Мы отдадим, — уверенно ответила за всех. — Я Зола-на, Верховная ведьма Элии, клянусь, что я и любая из нас отдаст самое ценное, что есть в жизни.

— Дар? — Император расхохотался. — Зачем? Я и так сильнейший маг в империи. Что мне делать с хлипкой искрой? Ее не хватит, чтобы развести костер на привале.

— Верно. — Поежившись под издевательскими смешками магов, которые окружили пленников плотным кольцом, девушка продолжила: — Наш дар никогда не будет силен так же, как ваш. Но есть тайна, которую ни один элиец не открыл ни под пытками, ни на смертном одре.

— Вот как? Ты хочешь обменять тайну, которая, может, и не нужна, на что?

— На жизнь для Рэллорнского леса, — прошептала девушка, — наши жизни в обмен на его.

— Вы слышали? Она торгуется. — По рядам магов и воинов прокатился гулкий смех.

— Тот, кому элийка добровольно подарит себя, усилит дар вдвое. Тот, кому достанется ее сердце, не будет знать себе равных.

— Что? — Смех застрял в горле Нтора. — Хочешь сказать, что стоит провести с тобой ночь, как я стану вдвое сильнее? Бред. Да вся Элия побывала, хм, в постели Бхирта.

— Добровольно, ваше величество, — прохрипела девушка, шею которой стянула удавка, брошенная одним из магов, — только добровольно.

— Вот как? — Мужчина хитро прищурился, хмыкнул. — Что же, вернемся в лагерь. Полагаю, мы быстро выясним, правда это или нет. И если солгала, отдам воинам на потеху, а после подвешу на ветке самого высокого дерева, откуда будешь наблюдать, как горит твой драгоценный лес.

Золана не обманула. Уже на следующее утро Нтор проснулся вдвое могущественнее, чем прежде. И тогда началась иная охота. Охота магов на молодых элиек. По всей стране таких нетронутых остались единицы. Император скрипел зубами, когда набрался всего десятков невинных девушек подходящего возраста. Ведьма, что теперь повсюду сопровождала Нтора, убедила несчастных принять новую судьбу. Элиек распределили между доверенными лицами императора, и девушки покорились незавидной участи.

Одаренные стали редким товаром, которых отнимали у матерей, растили и содержали в специальных школах, где воспитывали из них будущих спутниц магов. Само понятие «ведьма» претерпело изменения. Подстилка, безропотная вещь для удовлетворения желаний.

Постепенно чистокровные элийки выродились. Смешавшись с людьми, потомки лесного народа ничем не отличались от бхиртцев. Разве что трепетным отношением к живым существам и природе. Лишь раз в столетие в мир приходила сильная ведьма, способная возродить былое величие расы. В некоторых семьях — императорской и тех, из первой десятки, сохранились знания о том, для чего на самом деле магу нужна ведьма. Эта тайна объединила могущественных потомков, теперь уже элиту могучей Бхиртской империи. Те на протяжении нескольких веков искали ведьмочек и тайно свозили их в школу-приют, построенную вблизи Рэллорнского леса. Девушки росли и воспитывались вместе с обычными детьми, а достигнув совершеннолетия, отправлялись к будущему покровителю.

Когда пятнадцать лет назад на пороге школы обнаружили двухгодовалую кроху, мать-наставница тут же послала весточку в столицу. Та, которую так долго ждали в доме эр Агирру, наконец появилась. Девочку нарекли Золаной в честь послед-

ней Верховной ведьмы и предназначили наследнику империи Нтору эр Агирру Четвертому.

С малых лет Золана отличалась кротким нравом и необычайной любовью к животному миру. Девушка привыкла к труду, бесконечным запретам и ежедневным наказаниям. Она не роптала и работала за троих, лишь бы позволяли гулять по лесу и заботиться о многочисленных питомцах. Школа жила натуральным хозяйством. Плантации сладковатого картофеля, употребляемого в пищу простым народом, простирались так далеко, что край поля увидишь, если только заберешься на крышу трехэтажного дома. К школе прилегали сады с фруктовыми деревьями, огород и оранжерея. И все это богатство требовало постоянного ухода, который ложился на хрупкие плечи обитательниц школы. На занятиях девочек учили этикету, танцам, урокам соблазна, чтению и письму, ведению хозяйства. Историю давали в урезанном варианте, зато многочисленные сонеты заставляли учить наизусть. Как и псалмы, посвященные великому богу Бахуру, покровительствующему империи Бхирт на протяжении десятков столетий.

Золане нравилось возиться в земле, выращивать цветы и целебные травы. Любая веточка, воткнутая ее рукой в почву, приживалась и пускала корни. Под присмотром ведьмочки находились и немногочисленные животные: десяток молочных коз, куры, сторожевой пес Уголек и кошка Шуня — пушистая любимица матушки Гароны. Благодаря ученицам школа утопала в цветах и зелени, а с полей собирали по два урожая за сезон. В последнем немалая заслуга Золаны.

Главная наставница с сожалением ожидала того момента, когда элийка покинет школу и отправится в столицу, чтобы занять положенное место рядом с наследником. Но никак не рассчитывала, что посланники императора появятся на полгода раньше срока. Золана не была готова исполнить свое предназначение. Слишком медленно развивалось тело, слишком доверчивой и наивной она росла. Девушка лишь вступала в пору взросления. И если сама матушка Гарона не сообщала об этом имперцам, то это сделала одна из наставниц. Кто именно, умудренная опытом ведьма давно догадалась. Знала бы зара-

нее, с какой целью шпионка появилась в школе, нашла бы способ от нее избавиться. Теперь же приходилось унижаться и лебезить перед напыщенным магом, наставником Нтора Четвертого лордом Догмаром Занцем, который намеревался забрать Золану сегодня же.

— Золана еще не готова, я подам императору прошение об отсрочке, — просила матушка, — элийки не похожи на коренных жителей империи. Поймите, не вошедшая в силу ведьма даст спутнику гораздо меньше сил, чем это возможно. Душой и телом она ребенок! Еще слишком рано.

— Приказ императора, — фыркнул лорд, — к тому же со мной приехал и наследник. Он не любит, когда кто-то перечит его воле. Девушка поедет с нами. Это не обсуждается!

— Но, лорд Занц! Умоляю, хотя бы полгода. За это время я подготовлю девочку...

— Нет! У вас было пятнадцать лет. Если не справляетесь с возложенной миссией, может, стоит подыскать вам замену? — Скривив губы в усмешке, отчего те превратились в тонкую изломанную полосу, мужчина окинул фигурку матушки масляным взглядом. — Элийки ценятся в столице, так что без работы не останетесь.

Женщина проггла мага возмущенным взглядом. Она многое могла бы ему сказать, но сдержалась. Нет, местом наставница не дорожила — слишком тяжело растить девушек, как собственных дочерей, чтобы в итоге отдать на потеху таким вот напыщенным аристократам. Но несла тяжкий крест Гарона уже двадцать лет, давая воспитанницам семью и любовь, которых те лишились по вине имперцев, и подготавливала к той участи, на которую потомков обрекла Верховная. Едва подрастала очередная претендентка, ведьма, как могла, оттягивала момент расставания. Ну а когда та покидала школу, уходила в Рэллорнский лес в поисках поддержки и спасения от горького отчаяния.

— Пусть собирает вещи немедленно, — распорядился лорд, уверенный в собственном превосходстве.

— Дайте нам хоть немного времени, — сдерживая слезы, попросила Гарона.

— До рассвета, — пошел на уступку имперец, медленно растегивая пуговицы на мундире, — я готов принять благодарность за доброту.

— Да, мой лорд. Вы не пожалеете, — вымученно улыбнулась ведьма. На миг закрыв глаза, она отрешилась от происходящего. Это ее долг. Это ради невинных девочек. Ради Рэллорнского леса.

Спустя час воспитанницы собрались в главном зале. Обычно там отмечались праздники — дни рождения или день Весны, — но иногда здесь прощались с одной из девушек. Сегодня очередь Золаны покинуть школу и отправиться в неизвестную и такую пугающую столицу. Кухарка расстаралась с угощением и даже испекла любимый всеми клубничным пирог. Воспитанницы прихорошились, надели красивые платья. Подобный вечер — это событие. В размеренной жизни учениц таких по пальцам перечесть. Старшие девочки выглядели невестами, потому что на танцы — кульминацию торжества — пригласили гостей из свиты имперцев. Такой порядок заведен издавна. Маги пользовались случаем, чтобы присмотреть будущую игрушку, а может, и жену. Но последними становились редко, чаще элийки удостаивались статуса узаконенной любовницы — ллиры.

Нтор эр Агирру на момент знакомства с Верховной ведьмой был женат и иного способа оставить при себе девушку не придумал. Тем более ведьма подстраховалась и сообщила императору, что тот обязан заботиться о ней до конца жизни, только утром, когда тот вкусил новой силы, ощутил мощь возросшего дара и уже не мог от него отказаться. Мужчина, с которым элийка провела ночь, по закону становился супругом. Впрочем, Элия как страна исчезла еще двести лет назад, и бхиртцам не было никакого дела до чужих законов, если бы не магия Рэллорнского леса. Именно она наделяла древней силой рожденных в его окрестностях детей. Не без влияния живой реликвии потомство у ведьм появлялось только тогда, когда оба родителя любили друг друга. Аристократы потому и женились на имперках, чтобы получить наследников, а элийки, дарившие желанную силу, находились при них как ллиры.

Постепенно мир, в прошлом не скупившийся на могущественных волшебников, слабел. Если раньше на каждую сотню магов приходилось по пять-шесть архимагов, один высший маг и десять магистров, то спустя двести лет лишь каждый тысячный едва дотягивал до мастера и владел одной, максимум двумя стихиями. Для сравнения, Нтор Завоеватель до встречи с Верховной достиг звания высшего и владел четырьмя стихиями, а после памятной ночи стал повелителем сил. Властвующий ныне Нтор Третий — архимаг с доминирующей стихией огня, а по остальным параметрам едва дотягивает до звания мастера. Ну а Нтор Четвертый — тот, что прибыл за девушкой, — будущий мастер огня и воздуха, тогда как земля и вода ему недоступны.

Золана впервые за долгое время боялась завтрашнего дня. Раньше переезд в столицу казался чем-то далеким, несбыточным, но с появлением затянутых в латную броню воинов стал вполне реальным. Однако не это страшило девушку, не перемены — к ним готовили с малых лет. А тот, кто станет парой и с кем она проведет оставшуюся жизнь. Когда матушка Гарона вызвала воспитанницу к себе и приказала собирать вещи, выяснилось, что девушка не готова расстаться с родным домом.

— Позвольте попрощаться с лесом? — взмолилась ведьмочка, глядя на наставницу лучистыми глазами цвета чащобного ратника.

В облике каждой истинной ведьмы прослеживались отблески Рэллорнского леса. Первым признаком дара считалась яркая зелень в глазах. Молодые и сочные оттенки присущи слабоодаренным. Те же, в ком сочетались сильный дух и внутренняя сила, — обладатели темно-зеленой, болотной радужки. Такой, как у Золаны. Прибавить к этому тонкие черты лица в обрамлении волнистых локонов цвета жженой карамели, тонкий стан, то элийка становилась похожа на гибкое деревце — эллорн, растущее в глубине Рэллорнского леса.

По преданиям элийцев, с рождением одаренной ведьмочки в чаще появлялось новое деревце. Чем сильнее и могущественнее становилась ведьма, тем выше и крепче был древесный сосуд. Когда ведьма болела или получала увечья, страдало и де-

рево, медленно высыхая и уменьшаясь в размерах. Со смертью элийки исчезал и эллорн. Последний вздох — зерно души — запечатывался особой магией и хранился до тех пор, пока в мир не приходила родственная половинка, способная принять в себя частицу ушедшей ведьмы. В годы расцвета Элии зерна «прорастали» в одном и том же роду, что позволяло сохранить знания предков и воспитать новое поколение. После войны население истребили под корень, не осталось тех, в ком искра жизни нашла бы достойное воплощение. Непроходимый лес, простирающийся на четверть континента, превратился в жалкую рощицу. А потому одаренные стали появляться у простых жителей окрестных земель, в чьей крови сохранились частицы древней крови. Зерна же приживались только в тех душах, чистота которых не вызывала сомнений.

Жизненные соки эллорнов питали главное дерево элийского народа Рэллорн — олицетворение самой жизни элийской земли и хранилище знаний, собранных поколениями верховных ведьм. Немногим посчастливилось увидеть древнюю реликвию, и только избранные испили из колодца мудрости.

— У тебя мало времени, Золана. Мне едва удалось уговорить имперцев отложить отъезд до рассвета, — с грустью поведала матушка.

— А как же лес? Неужели я больше никогда его не увижу? — ужаснулась девушка.

— Не знаю, милая. Нам всем приходится чем-то жертвовать.

— Я мигом обернусь. Только до опушки и обратно. — Золана умоляюще посмотрела на матушку-настоятельницу.

— Иди! — отпустила Гарона подопечную, внутренне содрогаясь, чем придется расплатиться за малодушие. Ну не могла она отказать той, кто больше не вернется в родные места. Именно для Золаны близость Рэллорнского леса имела огромное значение. — Жду тебя на рассвете. Если не вернешься, быть беде.

Золана что есть силы припустила через поле и ворвалась в освежающую прохладу вечнозеленых исполинов. Она бродила меж деревьев, касалась их руками, прощалась, пропуская через

себя невероятную силу. Каждая клеточка упивалась природной мощью и ощущением свободы. Каждая травинка или веточка, что являлась частью живого организма, откликалась и радовалась вниманию юной хранительницы. Каждое живое существо, считавшее лес домом, было частью семьи, частью целого. Ведьмочка грустила — все внутри противилось расставанию. Ее место здесь. Ее жизнь принадлежит лесу, потому что без маленькой хранительницы тот не выживет, погибнет, как погибает человек, если из него вырвать душу.

Смерть живого существа девушка ощутила как свою. Она вскрикнула, схватилась руками за горло. Рухнув на землю, забилась в агонии, после чего вытянулась в струну и замерла. Из распахнутых глаз полились горькие слезы.

— Как? Почему? За что? — В голове Золаны кружил водоворот вопросов. — Может, это ошибка? Нет. — И что самое печальное, ведьмочка знала, что лучшего друга больше нет. Ее преданный Уголек, которого подобрала слепым щенком, выходила и привязалась как к родному, погиб. И виноваты в том люди, появившиеся в школе сегодня. Имперцы.

Лес переживал потерю вместе с Золаной, шумел, раскачиваясь могучими кронами, скрипел. Мягкая трава стелилась по земле, поглаживая ведьмочку ласковыми, успокаивающими прикосновениями. Рыжий бельчонок шустро забрался на грудь, закружился, догоняя собственный хвост, звонко чихнул, когда шерсть попала в любопытный носик. Раньше Золана не отказывала себе в удовольствии поиграть с детенышем и улыбалась, наблюдая за умильными ужимками. Сейчас же взяла зверька на руки и бережно прижала к себе.

— Ведьма, выходи-и! — раздался зычный молодой голос. И хотя его обладатель находился на опушке, разносился тот по всему лесу. — Выходи, не заставляй искать тебя.

Девушка сжалась от внезапно накатившего страха, испуганно огляделась. Лес никогда не выдаст ее. Каждый зверь или птица, насекомое или пресмыкающееся будут защищать до последнего. Почему же так тревожно? Почему сердце сжимается в предчувствии чего-то неотвратимого?

— Ведьма! — позвал тот же голос. — Я жду! А это, чтобы ты поторопилась.

Лес содрогнулся от новой боли. Вековое дерево, простоявшее на опушке более трех сотен лет, вспыхнуло свечкой и сгорело в синем магическом пламени. Ведьмочке показалось, что ее полоснули раскаленной плетью и выжгли на коже глубокую рану. Еще одна невосполнимая потеря.

— Ведьма! — озлобленно рявкнул имперец, и Золану будто кто подхлестнул. Она сорвалась с места и помчалась к мучителю.

— Ты звал? — срываясь на плач, спросила девушка у статного юноши. — Я пришла.

— Хотела сбежать? — Породистое лицо палача искривилось в довольной ухмылке. — Не выйдет. Если понадобится, спалю все подчистую.

— Когда-то Верховная поклялась в служении императору. В обмен на жизнь Рэллорнского леса. — Какой бы мягкой и доброй ни была ведьмочка, как бы ни боялась мага-имперца, но на защиту того, что ценила дороже собственной жизни, встала не задумываясь. — Уже двести лет ведьмы свято соблюдают данное слово. Нарушишь договор, и ни одна элийка добровольно не поделится силой.

— Угрожать вздумала? Ты, элийская шлюха? Мне, Нтору эр Агирру Четвертому? Единственному сыну и наследнику? — Имперец пребывал в бешенстве, и чем злее становился, тем тише звучал его голос, каждый звук которого рождал неприятную дрожь и расплзался по телу девушки липкими щупальцами ужаса.

— Нет. Это не угроза. А напоминание о том, ради чего каждая из нас жертвует собой.

— Ты-ы... — Нтор махнул рукой, и девушку сбило с ног воздушной волной. — Деревенщина. Заплатишь за дерзость. Я научу тебя повиновению. Заставлю уважать и бояться так, что от одной мысли обо мне тебя будет бросать в дрожь.

— Нет. Этого не будет. — Золана при падении не пострадала. Перед ней за мгновение до этого выросла трава, которая и приняла тело ведьмы в мягкие объятия. Более того, корни де-

ревьев гибкими змеями выползли из земли и образовали из переплетения ветвей сиденье, напоминающее трон. Он за секунды покрылся зеленой листвой, а мелкие цветы, проклюнувшиеся из выпущенных бутонов, соединились в защитный узор. Голову девушки, будто королевская диадема, оплела гибкая лоза. Местами порванное платье сменил наряд из резных листьев. — Ты трижды нарушил соглашение: убил живое существо, уничтожил дерево и напал на элийку. Эр Агирру первым разорвал договор, поэтому и я расторгаю клятву.

Слова ведьмы подхватил легкий ветерок и разнес во все стороны, достигнув ушей каждой представительницы вымирающего народа. Многие лица разглаживались улыбками, ведьмы ликовали и радовались освобождению. Нашлись и такие, для кого изменения стали приятным дополнением, ведь они полюбили избранных, и те отвечали взаимностью. Но большинство элиек намеревались убраться подальше от имперских хозяев, чтобы обрести долгожданную свободу. А еще лично поклониться новой Верховной, которая и принесла радостную весть.

— Что же ты натворил, ваше высочество. — Наставник Нтора, старающийся ни на минуту не упускать наследника из виду, все же опоздал. Появившись на опушке, маг услышал последние слова Золаны и почувствовал магическое возмущение, волнами расходящееся от хрупкой фигуры на зеленом троне. Элийки почитались лучшим средством для увеличения силы и восполнения опустошенного резерва. По вине мальчишки империя лишилась главного козыря.

— Не страшно, — хмыкнул молодой маг, — когда-то ведьмы принесли клятву. Сделают это еще раз. Всего-то и нужно, что спалить зуррхов лес дотла! Слышали приказ? — Нтор взглядом прошелся по своим спутникам. Его друзья магиусы, маги, состоящие в императорской гвардии, наставник — в случае прямого приказа они обязаны повиноваться будущему императору. — Сжечь тут все! Ведьму взять живой.

Золана оказалась не готовой к тому, чтобы убить живое существо, даже если это враг, угрожающий Рэллорнскому лесу. Ведьма приказала обездвижить противников, и тотчас везде

сущие побеги потянулись к людям, чтобы спеленать тех по рукам и ногам. Однако тренированных воинов не испугать древесной магией. Имперцы рубили корни и ветви мечами, плевались огненными сгустками, вымораживали противника до сосулек и разбивали на тысячи крошечных осколков. На помощь ведьме примчались грозные лесные защитники: медведи, рыси, волки. Животные поменьше тоже не остались в стороне, пустив в ход когти, зубы и звериную ярость. Несмотря на малочисленность, имперцы успешно противостояли. Им не было нужды сдерживать себя или заботиться о сохранении жизни. Они привыкли разрушать, жечь огнем и магией, уничтожать то, что не в силах подчинить.

Золана умирала с каждым погубленным деревцем, с каждой храброй душой, погибшей в безжалостном сражении. Что могла противопоставить слабая девушка воинам, закалившим искусство боя в сотнях сражений? Ничего, кроме собственной жизни. Ведьма кинулась, чтобы закрыть собой волчонка, и, захлебнувшись криком, упала.

На груди расплывалось алое пятно, а в зеленых глазах медленно угасала жизнь. Кровь, что толчками вырывалась из раны, попала на землю. В миг, когда Золана сделала последний вздох и затихла, лес содрогнулся от немого крика. Тысячи молодых побегов опутали тело девушки, и оно исчезло, погребенное под зеленым ковром. В следующее мгновение листочки и побеги потемнели, прямо на глазах превратились в гнилую труху и развеялись налетевшим ветром. Вместо плодородной земли образовалась мертвая проплешина, из которой полезли черные ветви, усыпанные острыми колючками. За считанные секунды опушка превратилась в ошестинившегося монстра. На поднявшихся стеной ветвях набухли маслянисто-черные плоды, по виду напоминающие запеченные до углей яблоки.

Маги опешили, впервые наблюдая преобразование мирного леса в опасного и непредсказуемого противника. Звери и птицы отступили, а зеленый защитник, преисполненный болью и потерей хранильницы, готовился к беспощадной борьбе. Когда десятки плодов лопнули, выстреливая в противников блестящими семечками, никто из имперцев не успел ничего сде-

лать. Хваленая магическая защита рассыпалась в пыль. Каждое отравленное смертью семечко несло гибель живому существу. Попадая на кожу, яд впитывался мгновенно. На месте крошечного укула появлялась черная точка, которая росла и увеличивалась на глазах. Плоть под действием отравы гнила живо. Семечко в теле человека прорастало колючими побегами и причиняло нестерпимую боль. Те имперцы, что первыми попали под воздействие чернильных плодов, кричали так, что у остальных мороз шел по коже. И было отчего. Когда за пять минут живой человек превращается в кусок черной гнили, а сам при этом остается в сознании и чувствует, что происходит, то это зрелище навсегда останется в памяти жутким кошмаром. Имперцы, видевшие немало ужасов, дрогнули.

— Защищать наследника империи! — прокричал лорд Занц, единственный, кто сумел вовремя взять себя в руки и отдать приказ. Также маг направил зов о помощи. Через полчаса появляются армейские маги и сотрут лес с лица земли.

Друзья Нтора не обладали опытом или силой, потому погибли первыми. Дольше продержались воины охраны, которые нашли способ справиться с напастью. Только огонь удерживал черную смерть на расстоянии. Маги щедро расходовали силу, отгородившись от опасных плодов и колючек стеной пламени. Тем более на помощь уже спешили те маги, которые оставались в школе. Да и из столицы вот-вот прибудет гвардия. Имперец перестраховался и потребовал использовать портал для перемещения. Недешевое удовольствие, но жизнь наследника стоит дороже.

Зев портала раскрылся на картофельном поле и развернулся серебристым овалом. Безжалостно вытаптывая урожай, воины выныривали из зеркального марева, отпрыгивали в сторону, чтобы освободить место следом идущим, строились и направлялись к месту битвы. Действовали четко и слаженно, под окрики командиров перестраивались в растянутую цепь и с ходу атаковали. Целую декаду имперские маги выжигали Рэллорнский лес. Обширные территории превратились в горелые пустоши. Насколько хватало взгляда, простирался частокोल закоптившихся деревьев, среди которых попадались обуглен-

ные трупики животных. Не осталось ни одного зеленого росточка — все сгорело. До горизонта тянулась выжженная земля, в центре которой возвышался погибший исполин Рэллорн — сердце священного леса. Гигантское дерево с гулким скрипом покачивалось на ветру. Как раны на теле живого существа смотрелись рытвины и сквозные отверстия, оставленные файерболоми. Наплывы угольно-черной смолы — слезы древнего существа, оплакивающего гибель лесного народа. Корни исполина простирались на километры вокруг и раньше связывали каждое деревце в разумную экосистему. Элийцы жили в гармонии с живым домом, хранили и оберегали его, делились силой и знаниями. После смерти тела ведьм предавали земле, которая принимала последний вздох — частицу души и бережно хранила ее, чтобы однажды передать новому поколению.

Жертва Золаны не была напрасной. Она освободила элиек от рабской клятвы, дала отпор непобедимым имперским магам и оставила тех без живого источника. Без Рэллорнского леса магия скоро исчезнет из этого мира и возродится лишь тогда, когда снова зашумят листвой вечнозеленые деревья. Всплеска силы, произошедшего после гибели девушки, хватило на то, чтобы использовать шанс на спасение, — отправить зов. Где бы ни находилась та, что однажды возродит погибшую расу, зов найдет ее и приведет к умирающему Рэллорну — главному дереву элийского народа. Ведь пока жива частица души последней Верховной, живет и надежда. А до тех пор, пока не появится новая хранительница, единственное семечко священного дерева, спрятанного в недрах земли, будет ждать своего часа.

ГЛАВА 1

Машину я бросила на проселочной дороге. Даже не дороге, а так, тропке, петляющей среди густого леса. Спрашивается, что я, городская жительница, забыла в глухой деревеньке Зауралья? Тут и жителей всего пять дворов — деды да бабушки доживают свой век. Однако вот уже четыре дня вместе с моим молодым человеком и компанией друзей обитаем на берегу озера Чудного. Места тут завораживающе красивые. Соснам, из-за которых иной раз не видно неба, по две-три сотни лет. Воздух чистейший. Травы, цветы, кустарники — я и названий таких не знаю, чтобы правильно описать, — цветут, пахнут одуряюще. Живности всякой полно. Первые дни я только и знала, что охала да на телефон зверюшек снимала, пока батарея не села. То лиса пробежит, то заяц — их тут на каждом шагу. Белки опять же, ежики. Косулю видела. И волка — да. Поначалу за собаку приняла и помчалась за ним с наивным желанием погладить, да ребята вовремя остановили. А зверя прогнали. Жаль, я люблю собак, хотя и понимаю, что волк — животное дикое, к человеку не приученное. Я вообще всех животных люблю. Сама не знаю, откуда это у меня. С малых лет живность в дом тащила. Котята, щенки, хомячки, попугайчики — кто только не жил в нашей квартире. Мама чуть с ума не сходила, когда очередной постоялец появлялся. Папа — тот умнее поступал. Стоило мне уехать — к бабушке или в лагерь на лето, — так у зверья массовые побеги начинались. Это сейчас понимаю, что животных отдавали знакомым или еще как-то пристраивали, потому как исчезали те вместе с клетками, лежанками и прочими вещами. Маленькой мне говорили, пи-

томцы ушли сами, что повзрослели и им нужно семью создавать. И ведь верила рассказням! Ну а то, что с питомцами все в порядке, я чувствовала, и когда погибали они, тоже. Помню, не уследили как-то за годовалым щеночком, которого с двух месяцев выкармливала и растила. Под машину попал. Мне с самого утра нехорошо было, не хотела в школу идти, Тошку тискала, — со слезами от него отрывали. Целый день сама не своя ходила, тяжесть такая давила, что свободно не вздохнуть. Вечером родители сказали, что Тошка убежал. Вот тогда я и выдала:

— Нет его больше. Мертвый он. Как знала, не хотела его бросать. Все вы виноваты! — Ух и обиделась тогда. — Вот Муське славно живется — кошка наша, которая якобы в прошлом году сбежала, — только жаль, у нее деток не будет. И Фунтику — морской свинке — новый дом нравится. Любят его там.

Папа с мамой тогда испугались, по врачам потащили, к психологам разным и даже к одному экстрасенсу отвели. Но те ничего необычного не нашли. А странности объяснили чрезмерной любовью к животным и детской проницательностью. Единственная польза, что с тех пор в нашей семье говорили только правду, даже если та ранила кого-то или не нравилась. Какой смысл обманывать, если я знала, когда лгут? Животные и так в доме не переводились, поэтому изменения коснулись лишь количества питомцев, которые одновременно проживали на родительской жилплощади. Ну и последнее, немаловажное: мне настоятельно советовали выбрать профессию, связанную с детским увлечением. Так что теперь я дипломированный ветеринар. Живу на те средства, что приносит ветеринарная клиника. К слову, она уже заработала себе репутацию, и дела шли замечательно. Однако львиная доля дохода уходила на помощь приюту для животных. Я там практику проходила, когда училась, потом помогала лечить на добровольных началах, а когда не без помощи родителей организовала собственный бизнес, то поддерживала его финансами и бесплатными консультациями. Квартира своя. Машину, правда, папа подарил. Надежную, безопасную, шведского автопрома. Это случилось после ава-

рии, когда мою «тойоту», взятую в кредит, почти в лепешку раскатал потерявший управление грузовик. Полгода после этого в больнице провела, восстанавливалась. Так-то я «легко» отделалась: три перелома, синяки и ссадины. Можно сказать, в рубашке родилась. Очевидцы сразу труповозку вызвали и эм-чээсовцев, чтобы разрезать искореженную машину и извлечь тело. У меня даже шрам остался после того, как спасатель случайно чиркнул резаком по грудной клетке. Я от боли и очнулась, застонала. Кстати, тот самый спасатель и есть мой молодой человек Артем. Он потом в больницу пришел проведать и извиниться, что неаккуратно обошелся. Так и познакомились, ухаживать начал, на свидания приглашать. Вот уже четыре года вместе, и два последних Артем живет у меня. Нет, он не хлебник, зарабатывает прилично и сам из обеспеченной семьи. Просто нам так удобнее. Клиника в соседнем подъезде расположена, уют в двух кварталах, а до метро десять минут.

Я человек миролюбивый. Правда, с людьми не получается ладить так же, как с животными. Те не обманывают и не действуют исподтишка. Если любят, то всей душой, а если уж невзлюбили — пиши пропало. Тимка, мой новый пес, плохо уживался с Артемом. Ревновал, защищал по-своему, при каждой возможности доказывая, кто в доме хозяин. Не одна пара обуви пострадала от зубов Тимки. Подозреваю, с первых погрызенных туфель и началось молчаливое противостояние моих мужчин. Но ничего, разобрались как-то. Пришлось объяснять, что нет смысла ставить перед фактом «он или я», потому что кое-кому выбор не понравится. Может, это глупо — предпочитать собаку мужчине, но если тот не понимает, что моя жизнь и работа связаны с животными, то у нас нет будущего. Артем не отступил и сделал выводы. Даже подружился с Тимом. Конечно, последнему случай помог, но все же. Когда гуляла поздно вечером с собакой, пристала пара нетрезвых подростков. Я сразу набрала номер Артема, тот дома готовил ужин, но ему требовалось время, чтобы прийти на помощь. И это время дал пес. Хоть рассел-терьер и невелик ростом, а покусал обидчиков так, что мало не показалось. Потом в больнице швы накладывали. Я перепугалась тогда сильно, но втайне радовалась,

что все так сложилось. Тим больше не грыз обувь Артема, признал в нем полезного защитника. А молодой человек убедился, что с собакой лучше дружить. Покусанные лодыжки хулиганов лучшее тому доказательство.

Так как же вышло, что я оказалась одна в незнакомой местности и далеко от дома? Очень просто. Мы с Артемом впервые поссорились. А все дурацкое предчувствие. То есть таковым оно было для посторонних — не сложилось с друзьями Артема. Те общались еще со школы и после сплотились на почве увлечений экстремальным туризмом и охотой. Мне же — яркой защитнице животных — последнее хобби категорически не нравилось. В этой поездке я надеялась познакомиться с ребятами поближе, наладить контакт. Наши отношения с Артемом скоро перейдут на новый уровень — уже состоялось знакомство с родителями, а на безымянном пальце красовалось изящное колечко с бриллиантом, — поэтому и хотела принять непонятную мне сторону жизни Артема, как это сделал он.

Первые два дня все шло замечательно: мы купались, загорали, ловили рыбу, пели песни у костра. Тимка весело нарезал круги по поляне, охотился на бабочек и стрекоз, гонял белок, хорьков. А к вечеру третьего дня накрыло ощущение чего-то неотвратимого. Я слишком хорошо помнила, с чем связано такое состояние, поэтому стала спешно собираться домой. Естественно, на ночь глядя никто никого не пустил. Будь Артем один, он бы прислушался. Но перед парнями, которые с легкостью сплавлялись по порожистым рекам или забирались на неприступные скалы, не захотел выглядеть подкаблучником. Утром же стало поздно. Лес заволокло дымом.

Озеро Чудное — замечательное место для отдыха и самое труднодоступное. Добираться нужно на машинах повышенной проходимости, а дальше пешком по краю оврага и по охотничьей тропе, петляющей в лесу. Ник, лучший друг Артема, родом из этих мест. Он и стал проводником. Ребята давно работали в одной команде, а потому не первое лето проводили в гостях у Ника. Его невеста Лика мастер спорта по спортивному туризму. Вместе они уже полмира объездили. Женька и Сашка поженились в прошлом году — тоже опытные путеше-

ственники. Одна я выбивалась из компании абсолютной неприспособленностью к походной жизни.

Вероятно, кто-то из отдыхающих не затушил костер, а может, сигарету бросил — кто теперь узнает — и не уследил. Огонь перекинулся на сухую траву — жара уже неделю стояла изнуряющая, а потом и на деревья. Факт в том, что пожар надвигался со стороны деревни. Назад возвращаться рискованно — неизвестно, добрался огонь до дороги или нет. Оставался один путь — вглубь леса.

Парни стремительно собирали палатки и кидали в рюкзаки необходимые для выживания вещи. Ник связался по рации с местными спасателями, сообщил о нашей группе и подтвердил, что пойдем в обход опасной зоны. Был шанс добраться до машин и уйти к хутору Дальнему, откуда нас эвакуируют вместе с местными жителями.

Трехчасовая пробежка по пересеченной местности далась с огромным трудом — не приучена я к таким нагрузкам. Лишние вещи пришлось бросить на берегу, остальное несли ребята. Я сначала тащила часть груза, потом мой рюкзак забрал Артем. Тимка нервничал, скулил, жался к ногам и шарахался от каждого громкого звука. Вместе с нами бежали и звери. Наверняка часть из них ушла уже ночью, но и сейчас хватало живности, которая попадалась на пути. Чтобы успокоить Тимку, паника которого невольно передавалась и мне, взяла питомца на руки. Огонь еще не дошел до нас, но дыма хватало. Еще у озера запаслись водой и прикрыли дыхательные органы влажными тряпками.

Когда вышли к оставленным машинам, страх, державший в напряжении, отступил. Парни решали, куда двинуться дальше: к хутору Дальнему, где ожидалось спасатели, или к деревне. Ветер дул в сторону от дороги, поэтому обратный путь опасности не представлял. Пока. Впрочем, выбора не осталось, когда ожила рация и на связь вышли сами спасатели. Оказалось, на озере остались туристы. Молодежь там неприспособленная, потеряются еще в лесу. Вот и просили Ника о помощи. Наша группа находилась ближе всех. В сложившейся ситуации каждая минута на счету, а так как парни и сами работали в МЧС,

то не раздумывали — решили возвращаться. Без меня, естественно. Ник, Сашка и Женька выдвинулись к озеру, а Артем и Лика взялись перегнать машины к Дальнему — была там старая дорога, по которой только внедорожники и проедут. Моя машина не пройдет, слишком большая и тяжелая. А потому мне строго-настрого наказали ехать в деревню. Собственно, никто моего мнения даже не спросил.

Кто ж знал, что дорогу перегородит поваленное дерево? Три дня назад его тут не было. А может, я свернула не туда? Или... не повезло?

Немного подумав, решила, что к прежней стоянке возвращаться бессмысленно. Ребят там нет, а дороги к хутору не знаю. Так что выпустила Тимку из салона и отправилась дальше пешком. В сумке, что прихватила с собой, лежали ключи от квартиры, паспорт, разная мелочовка и полупустая бутылка с водой. Машину закрывать не стала. Если уцелеет, проще будет перегнать. Походное снаряжение оставила в багажнике. На себе все равно не унесу, да и использовать не получится — руки не из того места растут. Навигатор в машине показывал нужное направление, поэтому забрала с собой, чтобы не заблудиться. Это запросто, причем в трех соснах.

Первые пару километров прошла легко: сумка на плече болтается, питомец рядом бегаёт. В машине успела отдохнуть после трехчасового марафона и остатки печенья сжевать. А потом вдруг резко налетел ветер, обдав едким запахом гари. Пока дым уносило в другую сторону, я и не подозревала, что огонь подобрался так близко. В общем, запаниковала, схватила Тимку на руки и припустила изо всех сил. Навигатор показывал, что до деревни не так много осталось — километров шесть-семь. Вот только я уже не успевала вырваться из западни.

Вывернув из-за очередного поворота, — на дороге через каждую сотню метров встречались, — остановилась как вкопанная. Впереди надвигалась стена огня. Страшная, обжигающая. Ничего умнее, чем ринуться сквозь заросли, не придумала. Не предусмотрела только, что продираться через густую траву и уворачиваться от хлещущих веток не то же самое, что идти по накатанной колее. Выдохлась уже через сотню шагов, однако

страх подстегивал хлеще допинга, и я ломилась вперед, не разбирая дороги. Навигатор выскочил из рук, когда сражалась с зарослями колючего кустарника. Руки и лицо в кровь расцарапала, одежда тоже пострадала. Впрочем, до внешнего вида не было никакого дела. Тут бы спастись.

Очень скоро силы закончились. Я опустилась на землю и привалилась спиной к первому попавшемуся дереву. От пожара далеко не ушла — тот преследовал по пятам. Во рту было сухо, как в пустыне, глаза слезились от дыма, еще мучил надсадный кашель. Воды осталось немного. Большая часть ушла на то, чтобы смочить платок, которым закрывала лицо. Еще с Тимкой запасами поделилась — ему еще тяжелее, чем мне.

— Беги, мой хороший! Беги. Приведи помощь. — Я давно поняла, что попала в огненную ловушку и вряд ли из нее выберусь. Но у собаки был шанс.

Остатками жидкости я смочила короткую шерстку Тимки и сняла его с поводка. Пес как чувствовал, что мы больше не увидимся, а потому прыгал вокруг, ласкался, лез на руки.

— Уходи, — строго приказала я, — ищи Артема! А я следом. Отдохну немного и пойду. Беги, Тим.

Всегда считала, что животные разумные и понимают человеческую речь. Сейчас получила этому подтверждение. Понуро опустив голову, зверь потрусил в том направлении, которое еще не заволокло дымом. Давно следовало отпустить собаку. Животные инстинктивно чувствуют, куда бежать, чтобы спастись от пожара. Но я до ужаса боялась остаться одна. Страх, конечно, никуда не делся. У меня поджилки тряслись при виде стены огня. Однако ноги не двигались, голова тяжелая стала, и тело уже не слушалось.

«Надо еще немного продержаться. Продержаться...» Я попыталась встать, используя дерево, как опору, и с глухим стоном сползла обратно, до крови стесав ладони о шершавую кору. Почти сразу потеряла сознание, и в последних обрывках мыслей мелькнуло сожаление, что ухожу слишком рано, что многого не успела сделать и что не познала настоящего счастья. Как ни больно признавать, но Артем не тот человек, кто мне нужен. Да и где теперь найду такую любовь, которая жи-

гала бы дотла, вынимала душу и заставляла совершать безумные поступки? Нет ее — только в романтических книгах или фильмах. А я теперь и не узнаю об этом. Родителей было жалче всего, старенькие уже стали, и моя гибель подкосит их здоровье. Что тут поделаться? Я и сама не хотела умирать. Категорически. Только до моих желаний никому не было дела.

ГЛАВА 2

Что-то холодное коснулось кончика носа и оставило мокрый след. Затем еще и еще раз.

— Тимка, фу! Дай поспать, — пробормотала я и вяло отмахнулась от навязчивого питомца.

Кажется, снилось нечто плохое, жуткое. Но как часто случается при пробуждении, воспоминания растворились, оставив после себя отдельные фрагменты. Требовалось пять минут полежать, чтобы улегся адреналин, вырвавший из сна, и развеялось чувство тревоги. Не открывая глаз, я терпеливо ждала, пока вернется нормальное состояние. В мыслях еще мелькали обрывки сновидений: озеро, Артем, лес и... пожар.

«Приснитися же такое, брр!» Вздрогнула, настолько яркими оказались образы, и тут же скривилась от не слишком приятных ощущений. Кожа на теле будто покрылась коркой, которая лопалась из-за малейшего движения. — Что со мной?

Одна неприятная догадка промелькнула в мыслях, но слишком уж невероятная, чтобы оказаться правдой. Под пальцами, которыми исследовала доступную поверхность, скользила ткань. Значит, простыни имеются, кровать. Странно, что полностью раздета, но хотя бы сверху прикрыли покрывалом. Тело слушалось плохо — чувствовалась слабость, как после продолжительной болезни. Спину еще ломило — перележала. Глаза открыть и осмотреться не получилось — ничего не видно. Обзор закрывала тканевая повязка. Я не сразу это поняла — догадалась, потому как кожа лишилась чувствительности, а в узкую щелочку пробивался рассеянный свет.

— Эй, кто-нибудь? — позвала я. — Дайте попить.

Сушь во рту стояла дикая, оттого и голос показался чужим. Предположительно я находилась в больнице. Каким-то образом меня спасли и вытащили из того огненного ада, в который угодила по глупости. Не верится даже. Быть может, умерла? Кто знает, что там, после смерти? Однако по тому, что срочно требовалось удовлетворить естественные потребности, определила, что жива. Все равно не верится.

Картина событий нехотя сложилась в голове, и сейчас, в спокойной обстановке, пеняла только на себя. Не следовало бросать машину. Могла ведь вернуться и поехать следом за ребятами к хутору. Пусть наугад — как-нибудь добралась бы. И когда выскочила к горящему лесу, не стоило ломиться через чащу, а по той же дороге уйти обратно. Будь кто рядом из компании Артема, так бы и поступил. Интересно, как они меня нашли? Неужели Тимка помощь привел? А что, вполне возможно. Если ветер переменялся, спасатели, прочесывающие район, наткнулись на машину и связались с нашей группой. Дальше только осмотреть ближайшие окрестности. Одно радует — я все-таки выжила. Вот ведь как бывает: не веришь в чудо, не надеешься, а оно случается.

Мой зов услышали. В помещении раздались шаги, затем под тяжестью тела скрипнула кровать. Рот смочили губкой, отчего влага попала внутрь. Я жадно сглотнула.

— Еще!

— Больше нельзя, — ответил мягкий женский голос, — придется потерпеть, иначе лечение пойдет насмарку.

Какой странный! И говор необычный. Жители Зауралья так не говорят. Куда же это меня отправили?

— Подскажите, где я нахожусь? Как меня нашли? — поспешила удовлетворить любопытство, так как женщина, судя по всему, собралась уходить.

— Скоро придет мастер Лит, ответит на вопросы. Отдыхай пока, нельзя много разговаривать.

Гм, а чего ожидала? Приходила ведь сиделка или медсестра. Понятно, что до осмотра врача никто и словом не обмолвится: пришла в себя и ладно. Только что это за звание такое

«мастер»? Насколько мне известно, в медицине такое не используется. Странно.

Доктор, кстати, появился скоро. Только болтать не собирался.

— Очнулась? — По тяжелым шагам и уверенной поступи легко разгадала, что меня пришел навестить мужчина. — Золана, как себя чувствуешь?

О, да я тут не одна! Почему же возникает ощущение, что вопрос адресован мне? Вряд ли врач обратился бы к одному пациенту, в то время как осматривал другого. Судя по легкому ветерку, что прогулялся по телу, с меня сдернули простынку. Да и повязка с лица исчезла. Как раз сквозь тонкую шелку век — нормально открыть глаза не получалось — рассмотрела силуэт мастера Литы. Минимального обзора хватило, чтобы увидеть широкую мужскую грудь, прикрытую объемистым балахоном, и невероятно гибкие пальцы, выписывающие в воздухе странные фигуры. От них исходило легкое сияние, которое складывалось в узоры и оседало на теле. В тех местах, куда направлялось такое воздействие, я ощущала покалывание и приятный холодок.

— Золана? Кто это? — Тут мужские руки взметнулись вверх, накрывая лицо. Глаза заслезились из-за неприятного жжения. Я крепко зажмурилась, затем часто заморгала, чтобы избавиться от рези. С минуту длилось это мучение, а потом я спокойно распахнула глаза, потому как ничего уже не мешало это сделать, и удивленно вытаращилась на мужчину. — Кто вы такой?

О, удивляться было чему. Во-первых, мастер Лит. Он больше на деревенского знахаря похож из старообрядцев. Окладистая борода, на лбу лента с вышитыми закорючками. Одет в широкую рубаху, вместо пояса веревка. На ее кончиках узелки чередовались с бусинами, камешками и деревянными брусочками. Все вместе смотрелось живописно и... гармонично, что ли. Во-вторых, взгляд выхватил часть помещения — деревянный потолок, балки, подвешенные к ним пучки трав. Это явно не больница, скорее дом или изба. Выходит, о том, что я выжила, Артем мог и не знать.

Надеюсь, меня не затянут в секту? Тут и согласия не спросят — знают, куда не денусь. Если бы в окрестностях Чудного находилось такое поселение, местные наверняка бы о нем слышали.

— Не помнишь имени? — Мужчина нахмурился. Его пальцы переместились к моим вискам и стали выводить узоры. Каждое такое «рисование» приносило облегчение. С мысли я сбилась, непроизвольно отметив факт, что руки мастера свободно перемещаются по голове, не встречая никаких препятствий. С логикой случались проблемы, но тут любой бы понял, что лишился растительности. На фоне того, что я осталась в живых, потеря волос — мелочи. Но, мамочки! Я лысая. Конечно, со временем волосы отрастут, но пройдет два или три года, прежде чем они достигнут прежней длины. — А меня тоже не помнишь?

Снова пришлось отвлечься от мыслей и помотать головой — не помню. А должна? Странно, что эти люди меня знают. Причем не как Лизу Чернову, а как Золану. Имя-то какое необычное, никогда не слышала.

— Кто вы? Могу я позвонить родителям? А что с Артемом? Как ребята, выбрались из пожара? — Доктор хоть бы бровью повел или как-то показал, что услышал вопросы, но нет. Будто бы я сумасшедшая и несу бред, на который не обращают внимания.

— Редко, но такое бывает. — Мастер Лит закончил осмотр и передал меня в руки женщины. Ее представили как наставницу Фирану, якобы та знала Золану с малых лет. — Выждем неделю. Как память вернется, тогда и поговорим.

После ухода лекаря, врачом его язык не поворачивался назвать, к делу приступила Фирана. Она тоже игнорировала просьбы, не относящиеся к делу. А слова о телефоне и звонках посчитала бредом, ну, я так интерпретировала снисходительное выражение лица и настойчивые попытки заставить меня сделать то, что нужно.

Первым делом женщина помогла с туалетом, затем обтерла тело влажной губкой и нанесла пахучую мазь. По окончании процедур наступил черед травяного отвара и завтрака. Или,

может, обеда, о времени суток не догадалась спросить. Да и на вопросы Фирана отвечала скупой, неохотной. Чем-то я ей не нравилась. Нет, не тем, что приходилось ухаживать. Тут что-то другое. Это я пообещала себе выяснить. Позже. Сейчас не хватало сил. Туманилось в голове после настоев, спокойствие охватывало, желание полежать, отдохнуть и набраться сил.

Неделю или две — пыталась посчитать, но не получилось — только и делала, что спала. По пробуждении меня лечил мастер Лит, после чего Фирана обрабатывала ожоги, обмывала, кормила, а затем я снова засыпала. Подозреваю, не просто так — дело в горьковатом настое и некоторых специфичных травах в его составе. Почему-то казалось, что времени прошло немного и родителей не нужно беспокоить. Все же обошлось, зачем волновать? А Артем, ну что же, если не пришел за мной, значит, и не нужна больше. Я ведь решила расстаться с ним, и длительная разлука только укрепляла в этом решении.

Благодаря такой отсрочке разоблачение на новом месте откладывалось на неопределенный срок. О том, что меня принимали за другого человека, догадалась еще, когда пришла в себя в самом начале. А вот почему — додумала сама. Оказывается, пожар бушевал и в этих местах. Подробности со мной не делились, но из обрывков разговоров успела сделать выводы. Судя по всему, та Золана виновна в гибели леса, животных и людей. Девушка и сама стала жертвой пожара, ее чудом умудрились спасти. Нашел меня старший сын Фираны где-то на границе леса и пустоши. Гм, выходит, спас меня парень. Стало быть, той Золане не повезло.

Кстати, о чуде и чудесах. Способ лечения мастера Лита выходил за рамки моего понимания. Я хоть и специализировалась на животных, но общие знания по медицине получила. И исцеление наложением рук скорее из области шарлатанства. Тем не менее я на себе почувствовала эффект и прониклась к мастеру уважением. Так вот, меня опознали по косвенным признакам: знали, что настоящая Золана скрылась в лесу, нашли обгоревшее тело и разглядели на груди отметину — шрам, что остался после аварии. О шраме мастер Лит и Фирана знали лишь то, что у девушки непременно должен остаться след

от раны. Форма и размер значения не имели — сам факт, что тот нашелся в нужном месте, послужил весомым доказательством.

«Выписали» меня через месяц. К тому моменту короста, что покрывала с ног до головы, отслоилась, а на ее месте образовалась тонкая розовая кожица. На лице, руках и шее последствий пожара не наблюдалось. А вот спина и ноги изобиловали шрамами и буграми. Особенно спина. Но я не в претензии. Удивительно, что подобное восстановление вообще возможно. Еще и в столь короткий срок. Мастер Лит подтвердил, что со временем можно избавиться от остальных шрамов. Только этим уже сама буду заниматься. Тут бы еще за спасение расплатиться. Мне намекали, что ожидают благодарности. Вот только какой, не говорили. Откладывали на потом.

Поначалу я переживала, строила мрачные предположения, боялась. А потом махнула рукой. Чего раньше времени расстраиваться? Попросят денег — отдам что есть. Квартиру продам, клинику. Родители сбережений не пожалеют. Если понадобится, кредит возьму — знания при мне, руки-ноги на месте, заработаю, не пропаду. Вот если что другое потребуют — сложнее. Закрадывались предположения, что попросят с ними остаться. За месяц ничегонеделания определила, что, кроме Литы и Фираны, в доме никто не проживал, но вот гости иногда появляются. В основном, чтобы справиться о моем здоровье.

Кому же я так сильно понадобилась?

С самого утра — а я уже как третий день перешла на нормальный режим — появился мастер Лит. Посмотрел, поводит руками, удовлетворенно крикнул.

— Что же, Золана, ты здорова. Насчет шрамов уже говорил: поскольку ты долго лежала, то выправить смог только верхнюю часть. Чтобы со спины и ниже свести ожоги, еще четыре декады требуется.

— Спасибо, мастер Лит, — искренне поблагодарила лекаря, — чем же отплатить вам?

— За лечение уплачено уже, так что не бери в голову. А вот за спасение есть кому доброе слово сказать, — хитро улыбнул-

ся дедок, — спаситель твой, почитай, через день прибегал да о здоровье спрашивал.

— Правда? — Я растерялась. Вот точно чую подвох, а не пойму в чем. Лучше бы я Литу осталась должна, чем неизвестному благодетелю. — А как же... Чем я могу? Конечно.

Под пристальным взглядом я смутилась. Впервые мастер смотрел оценивающе, как мужчина. Раньше у меня мысли не возникало стесняться — и так с ног до головы изучил, каждую клеточку, считай, восстанавливал, убирая шрамы. А тут... я погорячилась, когда назвала Лита дедушкой. Это из-за седой бороды. Морщинок на лице и не было почти, взгляд ясный, сила в руках громадная. Вон меня, как пушинку, ворочал.

— Ох, заробела как! — хмыкнул мастер Лит. — Прямо невеста на выданье. Ладно уж, пойду, не буду смущать. Фирана сейчас подойдет, одежду принесет да зеркало. Давно, наверное, на себя взглянуть хочешь?

— Ага. — Тут лекарь угадал. С тех пор, как очнулась, было желание посмотреть, во что превратилась. Со слов сиделки, то еще зрелище. Поэтому и не давали мне ничего, в чем могла отражение увидеть. — Спасибо вам огромное. — На прощанье я обняла мужчину и поцеловала в щеку. Тот снова хмыкнул, но не отстранился — приобнял, по голове погладил, как маленькую. — Ой, совсем забыла. Я же про нити не спросила, все откладывала на потом.

— Какие еще нити? — Лит сдвинул брови. Он часто так делал, когда сталкивался с чем-то непонятным.

— Ну, те, что у вас из пальцев выходят при лечении. После этого так хорошо становится. Это магия, да? — На последнем вопросе залилась краской еще сильнее. Глупо верить, что магия реальна. Энергетика там, аура — что-то такое слышала по телевизору. Некоторые люди накапливали в себе силу, чтобы потом ею лечить других. Интересно же!

— Так ты видишь тэры? — Мастер Лит отстранился на расстояние вытянутой руки и, прищурившись, принялся меня изучать. — Ничего не понимаю. Ну-ка скидывай рубашку и ложись на кровать. Я же магическим взглядом и не осматривал, целительные плетения кидал. Да и что там рассматривать?

Ведьма — она и есть ведьма, никаким диагностом не определишь, пока колдовать не начнет.

Я внимательно прислушивалась к тому, что бурчал под нос лекарь, и тихо сходила с ума.

Какой еще магический взгляд? Это шутка? И кого он ведьмой обозвал? Сам-то кто?

Спорить или обижаться на мастера Лита не видела смысла. Ну с придурью оказался дедок, так и что? Вылечил ведь. На ноги поставил. А то, что не от мира сего, тоже мне новости. Я как раз чего-то подобного и ожидала. Чего теперь удивляться?

— Одевайся. — Кинув мне рубашку, лекарь уселся на кровать. Задумчиво погладил бороду — очевидно, серьезное что удумал, потому как брови хмурил, хмыкал, затылок чесал минут пять. — Сядь-ка поближе, — похлопал по кровати. А что я? Села, конечно. Причин не доверять Литу не видела. Чувствовала в нем некоторая правильность, стержень внутренний. Такой не обидит понапрасну. — Вот что я скажу, Золана. Дар у тебя имеется. Удивительно это. Хоть и дефектный, плохонький, но есть. Никогда такого не видел, чтобы ведьма магической силой обладала. Теперь убедился, что в мире случаются невозможные вещи.

— Ух ты! Я что, тоже лечить смогу? — Каким бы скептиком ни была, а воочию убедилась: нечто сверхъестественное существует. И очень уж заманчиво, когда в тебе открываются необычные способности.

— Ну, лечить ты и раньше могла. Вам, ведьмам, такое под силу. Только своими, ведьмовскими способами. А магия по-другому работает, да и к целительству особое призвание необходимо. Нет у меня возможности определить, какой из тебя маг выйдет. С этим только в академии помочь сумеют. Но я бы не стал радоваться раньше времени. Каналы у тебя сформировались — сами раскрылись, когда в них заряд пульсара угодил. А вот источник крохотный. Не сможет столько силы накопить, чтобы на полноценное заклинание хватило. Дефектный дар. Из таких магов только слабенькие зельевары да травницы получаются.